

Елена Колтунова

Французы и одесская пшёнка

В один из последних летних дней 1956 года в нашей квартире раздался резкий, нетерпеливый междугородний телефонный звонок. Междугородние звонки для нашей семьи были не редкость: отцу часто звонили из Москвы, Киева, Ленинграда и других городов, где были киностудии, поэтому никого этот звонок не встревожил.

Но когда отец вышел на кухню, где мы с мамой на двух керогазах готовили обед, мы по его лицу увидели – пришла беда.

– Что? – хором спросили мы с мамой.

– Звонил Герасимов. Сказал, что завтра теплоходом прибывают Садуль с женой, будут в Одессе пару дней. Попросил их принять.

– Они что, будет у нас жить? – всполошилась мама. – Кто это?

– Нет. Жить они будут в гостинице, наверное, в «Красной». Но нужно угостить обедом, показать город, повезти в Аркадию или в Лузановку. Они едут в Москву, но очень хотят посмотреть Одессу. Поэтому сели в Марселе на пароход, побудут дня два в Одессе, а уж потом – поездом.

– Ну так это ничего страшного? Подумаешь, обед! Что мы, в первый раз гостей принимаем?!

– Ты не понимаешь. Жорж Садуль – это величина мирового масштаба, крупнейший историк кино, кинокритик и вообще *француз! Иностранец!* Обедом-то ты накормишь, а если ему или мадам в туалет понадобится? Ты за ним помойное ведро понесешь, чтобы слить? А руки помыть – заведешь в кухню, где в это время Берта Соломоновна что-то жарит на вонючем сале? И как

объяснишь Садулю, кто она такая, и вообще, что такое коммуналка? Чтобы потом во Франции он рассказывал, как живет в Одессе известный советский кинодраматург.

– Что же делать? – растерялась мама.

– Надо подумать.

Утром отец встретил Садулей, отвез их в гостиницу и договорился, что через несколько часов заедет за ними вместе с женой и дочерью. Покажет город, а потом мы поедем обедать.

– Я им сказал, что обедать мы будем в ресторане, потому что, как назло, на этот день мы отпустили прислугу.

– Да уж, прислугу... Он говорит по-русски?

– Нет, но мадам Рута немного говорит.

Садуль сразу завоевал мою и мамину симпатию улыбчивостью и живостью, которую мы определили как чисто французскую. На вид ему было немного за пятьдесят. Собственно, так оно и было (Садуль 1904 г. р.). Мадам Рута выглядела лет на десять моложе. Она была веселой, любознательной, так и сыпала вопросами и приходила в восторг, когда слышала французские имена и названия. Она находила, что Одесса «очень-очень французский город».

– Одесса совсем как Марсель – не Париж, о нет, Марсель. Много человек, все на плэчи.

Мы с трудом поняли, что «на плэчи» нужно понимать, как то, что одеситы так же эмоциональны, как марсельцы, и несутся, налетая друг на друга.

Свои восторги и сама Рута выражала очень эмоционально.

Где-то, проезжая, мы спугнули голубей. Они, шумно хлопая крыльями, поднялись в воздух. Мадам Рута, к испугу отца, чуть ли не по пояс высунулась в окно машины, крича:

– Голубцы полетели! Голубцы полетели!

Мы колесили и колесили по Одессе: Одесса – жемчужина зодчества, Одесса – литературная, Одесса – легендарных налетчиков... За окном машины проплывали изысканный центр города, Французский бульвар и колоритная Молдаванка. Отец увлеченно рассказывал, мадам Рута не менее увлеченно переводила мужу...

Когда речь зашла о колорите, присущем только Одессе, судьба позаботилась подкинуть иллюстрацию. Тогда только-только

начали появляться на улицах города скромные свадебные кортежи: две-три украшенные машины с куклой на капоте. Позже они появились и в других городах, и с гораздо большим числом экипажей. Но отец взял грех на душу и сказал, что это старая чисто одесская традиция.

Где-то часа в три дня отец спохватился, что гости, наверное, проголодались, и предложил прервать экскурсию и пойти пообедать. Но гости отказались.

– Нет-нет, – запротестовала Рута, – еще ехать, можно кушать круассан и ехать. Обед пока нет.

– Какой еще круассан? – испугано прошептала мне мама.

Но отец не растерялся:

– Ну раз так, то я сейчас вас угощу чем-то более интересным, чем круассан: чисто одесским блюдом, – сказал он, притормаживая возле дома, у ворот которого сидела толстая тетка, а у ее ног стояла большая выварка для белья. Отец выскочил из машины, бросился к тетке и через пару минут вернулся, с трудом удерживая в руках пять больших горячих золотистых початков кукурузы и газетный фунтик с солью.

– Вот, это любимая одесская *пшёнка*. Ее надо есть так, как едят одесситы. Смотрите и повторяйте.

Отец раздал початки всей нашей компании, посыпал кукурузу крупной солью из фунтика, поворачивая кочан всеми боками, оглаживая ладонью, и впился в него зубами.

Французы последовали его примеру.

Мы с интересом смотрели на их реакцию. Кукуруза была горячая, но Садулей это не смущало. Они сгрызали с початка зерна, причмокивая от удовольствия. Садуль с полным ртом что-то сказал жене.

– Жорж говорит, что это вкуснее любого круассана.

Мы продолжили нашу экскурсию, но к шести часам все же поехали обедать.

Отец повез нас в ресторан гостиницы «Лондонская» на Приморский бульвар. В этой интуристской гостинице персонал знал иностранные языки.

К нам подошла метрдотель – красивая статная дама не первой молодости – и заговорила с нашими гостями по-французски.

Даже мне стало понятно, что языком она владеет свободно, и произношение у нее не хуже, чем у мадам.

Она помогла нашим гостям выбрать блюда и повернулась к нам. Мы тоже сделали свой заказ.

– Мы подадим кроме белого хлеба еще и ржаной черный, – сказала метрдотель, – иностранцы его очень любят.

Она снова обернулась к французам, и мне показалось, что ей хотелось их о чем-то спросить, но она не сразу решилась, а когда, наконец, задала свой вопрос и получила ответ, сказала что-то, что заставило Жоржа Садуля поднять брови и покачать головой.

Отец пристально посмотрел на даму. Она выдержала его взгляд и спокойно произнесла:

– Простите, я позволила себе спросить месье Садуля, с какой целью он едет в Москву, с кем он собирается встречаться. Мне пришлось ему объяснить мое любопытство. Объясняю и вам. Я раньше была тесно связана с кинематографом. Я первая жена Алексея Каплера... – она сделала небольшую паузу, видимо, ожидая вопроса или какой-то реакции, и, не дождавшись, добавила: – Сейчас вас обслуживают.

Метрдотель ушла. Мы приступили к обеду.

Вечером мама спросила:

– Гриша, как ты думаешь, это правда, ну, насчет Каплера?

– Не знаю. В любом случае ответ Садуля о цели поездки должен ее разочаровать. Потому что, если это правда, то она, наверное, надеялась, что-то передать Каплеру. Но, уверяю тебя, Садулю будет не до встреч. Герасимов сказал, что он едет в Институт истории искусств Академии наук СССР защищать диссертацию на степень доктора искусствоведения.

Много позже, знакомясь с биографией Алексея Каплера, я поняла, что дама-метрдотель сказала правду. К нам действительно подходила первая жена Каплера Татьяна Васильевна Тарновская. (Тарновские – украинский род известных коллекционеров и меценатов. Мать Т. В. тоже была из очень знатного рода. Тарновская в детстве получила отличное воспитание и образование, знала пять языков и все тонкости этикета. Впрочем, обо всем этом можно прочитать в Википедии.)

Когда мы возвращались домой, еще на лестнице услышали, что телефон в нашей квартире буквально разрывается от звонков. Конечно, это звонил Сергей Аполлинариевич Герасимов. Причем, по его словам, не первый раз, так как его волновало, как прошла встреча, как Садули.

Отец подробно рассказал о прошедшем дне и об обеде в ресторане. И вдруг...

– Гриша, вы с ума сошли! Какая пшенка, какой черный хлеб! – раздалось из телефонной трубки.

– Но и месье, и мадам с удовольствием ели черный хлеб как какое-то лакомство. А пшенка...

– Вы что, не понимаете, это же французы! Они привыкли к деликатной пище. У них нежные желудки! Не дай Бог, заболеть. Может быть даже заворот кишок! Надо же, пшенкой французов накормить!

В голосе Герасимова явно проскальзывали ноты отчаяния и паники.

Отец долго не мог уснуть, тоже разволновался. Задремал лишь под утро. Часов в семь его разбудил телефонный звонок. Отец схватил трубку – и сердце у него оборвалось: он услышал перебивающие друг друга голоса Садулей, но смог разобрать только одно слово.

– *Пишёнка! Пишёнка!*

– Что, плохо? Скорую? Доктора!

– Зачем доктора? Скорую надо, *plus rapide*, пишенку кушать!

В этот день отец повез французов и в Аркадию, и в Лузановку. Лузановка им понравилась больше – там по пляжу ходили колоритные босоногие с подвернутыми до колен штанами и голым торсом продавцы, торгующие одесскими лакомствами: рачками (то есть вареными мелкими креветками) и пшенкой.

К вечеру отец отвез Садулей на вокзал, и они уехали в Москву, где Жорж Садуль благополучно защитил диссертацию и присоединил ко всем своим регалиям еще и степень доктора искусствоведения.

Отцу передавали, что Садуль удивлялся, что такой певец Одессы, как Колтунов, пока не создал фильма о своем любимом городе.

В 1957 году Жорж Садуль прислал отцу большое письмо с описанием баталий между жюри Каннского фестиваля и советской делегацией по поводу награждения отца специальной премией за сценарий фильма «Сорок первый» (советская делегация настаивала на присуждение премии фильму в целом).

Письмо заканчивалось словами:

«Жюри собралось во второй раз и подтвердило, что *«премия присуждается только за сценарий и никакой другой компонент больше»*. Так что Вас таким образом *короновали дважды»*.

